

ИЗЪ «ШАХ-НАМЕ» ФИРДУСИ.

Шах-наме (Книга царей)—національная персидская поэма X вѣка, въ которой поэтъ Фирдуси обработалъ древнѣйшія преданія Ирана отъ временъ мнооологическихъ до завоеванія Персіи арабами (въ 636-мъ г.).

Поэма написана римованными двустипіями и заключаетъ въ себѣ 120 тысячъ стиховъ. Такое огромное произведеніе (въ восемь разъ длиннѣе Илиады Гомера), разумѣется, не можетъ развивать на всемъ протяженіи своемъ одинъ и тотъ же сюжетъ; поэма излагаетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, одно за другимъ, царствованія отдѣльныхъ шаховъ, начиная съ совершенно баснословныхъ Гаюмера или Джемшида, кончая вполне историческими, вродѣ Дарія или Александра Македонскаго. Общее же внутреннее единство достигается тѣмъ, что въ значительной части поэмы всѣ главныя событія вытекаютъ изъ давней племенной вражды Ирана съ сосѣднимъ Тураномъ.

На этомъ новѣстовательномъ фонѣ пышно расцвѣтаютъ знаменитые фирдусіевскіе эпизоды, иногда въ 2000—3000 стиховъ величиной, съ цѣльнымъ, связнымъ сюжетомъ, съ законченнымъ ходомъ дѣйствія, блестящіе всей силой поэтическаго воображенія, всей яркостью образовъ крупнаго художника Востока, всею свѣжестью сильнаго, непосредственнаго чувства. Таковы, напри- мѣръ, драматическіе эпизоды о возстаніи народомъ противъ тирана Дахака (исторія о кузнецѣ Каве), или знаменитый эпизодъ о Ростемѣ и Сохрабѣ; таковы прелестные романтическіе эпизоды о любви Заля и Рудаба, о царевичѣ Сявушѣ, о трогательной любви Бижепа и Мепижэ и т. д.

Для русской литературы поэма Шах-наме помимо своей поэтической прелести, имѣетъ еще важное значеніе, какъ источникъ многихъ эпическихъ преданій, отразившихся въ нашемъ сказочномъ и былинномъ творествѣ, а также въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ древне-русской письменности.

Предлагаемый отрывокъ взятъ изъ подготавлиаемаго къ печати перевода всей древнѣйшей, эпической части поэмы.

Переводчикъ.

(Полководецъ Самъ возвращается съ побѣдой къ шаху Мсиучихру).

Ужъ отъ Сари, Амула шумъ песется,
Какъ будто море тамъ, бушуя, бьется:
Идутъ въ желѣзныхъ латахъ храбрецы,
Блестятъ ихъ копій, дротиковъ концы.

Отъ горъ до горъ долину занимая
И въ тѣсный рядъ щиты свои смыкая
Въ цвѣтныхъ чехлахъ, лавиной рать валить:
Громъ барабановъ въ воздухѣ стоитъ,
Звукъ мѣдныхъ трубъ, коней арабскихъ ржанье
И тяжелое словенье топотанье.
И шахъ въ главѣ своихъ военныхъ силъ
Встрѣчать героя Сама носнѣшилъ.

Вблизи дворца герой съ коня слѣзаетъ
И достунъ въ залъ сейчасъ же получаетъ.
Едва его завидѣлъ падишахъ,
На землю Самъ упалъ, цѣлуя прахъ.
А шахъ привсталъ на драгоцѣнномъ тронѣ
Въ рубиновой сверкающей коронѣ;
Съ собой онъ рядомъ Саму сѣсть велѣлъ,
Почтивъ его за столько славныхъ дѣлъ,—
Сталъ спрашивать, не упустишь минуты,
О Кергесарахъ, что въ сраженьи люты,
О Дивахъ, чей пріютъ Мазендерапъ,
О трудностяхъ далекихъ этихъ странъ.
И началъ Самъ:

— «О, шахъ, будь счастливъ вѣчно,
На зло врагамъ живи всегда безопасно!
Да, я въ странѣ тѣхъ Дивовъ побывалъ:
Я львами дикими бы ихъ пазвалъ,—
Они быстрой, чѣмъ изъ Йемена кони,
Храбрѣе воиновъ, носящихъ брони.
Лишь прозванный Зегсарамн народъ,
Что люте, какъ звѣрь, узналъ про мой приходъ,
По городамъ собравшись съ крикомъ къ бою,
Онъ выступилъ громадною ордою.
Отъ горъ до горъ они толпами шли.
И свѣтлый день пчезъ въ густой пыли.
Ихъ натискъ бурень былъ и безъ оглядки,
Стремителень, хотя и въ безнорядкѣ.
Пропеся ужасъ по моимъ рядамъ
Такой,—едва не дрогнулъ я и самъ.
Понявъ, что все во мнѣ, я съ дикимъ крикомъ
Ударилъ на врага въ пылу великомъ:
Впередъ метнулся конь желѣзный мой,
Взмахнулъ я стопудовой булавой,
Дробились черепа въ осколки съ маху,
Кружились головы враговъ отъ страху.
Тутъ страшнаго когда-то Сельма внукъ
Навстрѣчу мнѣ, какъ волкъ, понесся вдругъ.
По матери изъ рода онъ Дахака

И былъ красивый, доблестный вояка,
Каркуй по имени,—ветушая въ бой,
Врага, какъ пыль, онъ мель передъ собой.
За нимъ большое войско наступало;
Оно равнину густо покрывало,
Шло по горамъ, болотамъ и лугамъ,
Подобно саранчѣ иль муравьямъ:
Какъ пыль его насъ облакомъ одѣла,
То много нашихъ храбрыхъ поблѣднѣло.
Опять прибѣгъ я къ вѣрной булавы
И поскакалъ предъ войскомъ во главѣ:
Мой грозный крикъ въ рядахъ враговъ носился,
И мельницей весь свѣтъ для нихъ кружился;
У храбрецовъ моихъ и страхъ пропалъ,
Ихъ только бой теперь одушевлялъ.
Мой слыша крикъ и видя межъ рядами,
Какъ булава играетъ съ головами,
Каркуй со мной сразиться пожелалъ:
Аркань свой длинный онъ приготовлялъ
И петлей захватить меня стремился;
Но я, замѣтивъ, быстро отклонился
И, лукъ схвативъ, Каркуя стрѣль дождемъ
Осыпалъ, на конѣ скача кругомъ.
Я былъ увѣренъ—голова пробита
И крѣпко къ племю стрѣлами припита—
Гляжу сквозь пыль: съ клинкомъ индѣйскимъ онъ
Бросается впередъ, какъ зрѣй слонъ.
Казалось мнѣ, что даже скалъ громады
Склонились бы предъ нимъ, прося пощады.
Стремился онъ, я медлилъ, выжидалъ,
Его схватить мгновенье улучалъ;
И вотъ, когда ужъ подкакалъ онъ близко,
Я, руки вытянувъ, нагнулся низко,
Взявъ за поясъ его, сорвалъ съ сѣдла—
Какъ будто сила льва во мнѣ была—
И такъ ударилъ о землю со злости,
Что все его переломилась кости.
Лишь былъ повергнуть предводитель въ прахъ,
Тѣмъ войскомъ овладѣлъ ужасный страхъ,—
И скоро все долины, горъ уступы
Буграми завалили нашихъ трупы.
Когда сочли убитыхъ, то нашли:
Двѣнадцать тысячъ ихъ легло въ пыли.
Всего же вмѣстѣ въ битвѣ вражьей силы,
Народа съ войскомъ, триста тысячъ было.
Но что же значить эта вся борьба
Предъ счастьемъ шаха и его раба?!»

Съ восторгомъ шахъ разсказу Сама внемлетъ
И свой вѣнецъ онъ къ небесамъ подъемлетъ,
Онъ въ радости велитъ готовить пиръ,
Затѣмъ, что отъ враговъ избавленъ мѣръ.
Всю почъ они за чашей проводили,
Безъ устали здоровье Сама пили.

Перевелъ А. Е. Грузинскій.

